

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.П. ТОЛСТОВА

ЭО, 2007 г., № 5

© С. С. Алымов

НА ПУТИ К "ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР": МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ С.П. ТОЛСТОВА*

Жанр научной биографии при всех его достоинствах таит и определенные опасности: сконцентрировавшись на одном ученом, мы рискуем представить его деятельность в отрыве от работы его коллег, движения науки в целом. В то же время возникает вопрос, насколько широк должен быть исторический контекст, необходимый для интерпретации творчества того или иного исследователя? Применительно к изучению наследия Толстова этот вопрос достаточно актуален. Имеются работы, в которых перечисляются основные направления его деятельности, выделяются наиболее значимые и оказавшие влияние идеи, однако исчерпывающая научная биография Толстова еще не написана. Остаются вопросы, которых биографы по тем или иным причинам не касаются: какова была его роль в бурных дискуссиях рубежа 1920–1930-х годов, каковы отношения ученого с учителями и коллегами, с властью, почему именно Толстов возглавил советскую этнографию и почему ее лидером стал человек, основные труды которого связаны с археологией? Наконец, стоит отметить, что в "устной традиции" отечественной этнографии встречаются самые разные оценки деятельности Толстова, а огромная роль, которую он сыграл в ее истории, продолжает привлекать к нему пристальное внимание.

Задача данной статьи – продвинуться к решению этих вопросов, привлекая новые архивные материалы и освещая сюжеты, остававшиеся "за скобками" имеющихся публикаций.

Портрет этнографа в юности

Известная статья Ю. Слезкина "Советская этнография в нокдауне" в американском и российском вариантах отличалась единственной сноской, в которой Толстов из-за своего участия в дискуссиях рубежа 1920–1930-х годов был назван "одним из наиболее кровожадных младотурков" (с младотурками Слезкин сравнивает молодых большевиков-марксистов) (Slezkine 1991: 479). Роль Толстова в бурных событиях эпохи культурной революции и "великих переломов" рубежа 1920–1930-х годов – один из неудобных сюжетов, которые его биографы, как правило, обходят стороной. Тем не менее объективное рассмотрение этого этапа формирования Толстова как ученого лучше, чем фигуры умолчания, которыми обычно отмечены некоторые стороны его деятельности в тот период.

С 11 лет Сергей Толстов, потерявший отца в 1916 г. и мать в 1924 г., рос и воспитывался сначала в кадетском корпусе, а затем в детских домах под Москвой. Жена С.П. Толстова антрополог Т.А. Трофимова с большой теплотой вспоминала о детстве близ ст. Новоиерусалимская, где они познакомились. Он располагался в центре

Сергей Сергеевич Алымов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: alymovs@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 07-01-00298а).

большого парка в живописном месте неподалеку от р. Истра, а жизнь его воспитанников "была наполнена учебой, общественной и физической работой и различными увлечениями". Она вспоминала, в частности, многочисленные театральные постановки и увлечение Сергея литературой. Два факта этого периода особенно примечательны в свете дальнейших событий. В 5 км от детдома в г. Воскресенске располагался краеведческий музей, который Сергей не только часто посещал, но и пополнял его этнографический отдел собранными по окрестным деревням экспонатами. Кроме того, осенью 1922 г., по приезду в детдом, он организовал и возглавил первую в Воскресенском р-не пионерскую организацию, участвовавшую в демонстрациях и проявившую большую активность в распространении пионерского движения в районе (АРАН. Ф. 1869. Д. 196. Л. 1–8).

Поступив в 1923 г. на цикл антропологии физико-математического факультета 1-го МГУ, Толстов специализировался с 1924 г. по кафедре антропологии, где в то время преподавали ученики Д.Н. Анучина – В.В. Бунак, Б.А. Куфтин и Б.С. Жуков. С четвертого курса Толстов, неудовлетворенный "биолого-антропологической" базой преподавания на факультете, переходит на этнографическое отделение этнологического факультета, возглавлявшегося П.Ф. Преображенским. С 1926 по 1930 г. он также работал в Московском областном музее (Музей Центрально-Промышленной области), а с 1929 по 1935 г. – в Музее народоведения (Музей народов СССР), в которых руководящую роль до 1930 г. играл В.В. Богданов. Круг упомянутых выше ученых – непосредственных учителей Толстова – определил направление его работ и взглядов раннего периода. Это было тем более естественно, что собственные позиции этих ученых во многом совпадали. Важнейшую роль в их деятельности и теоретическом багаже играли понятия "культурно-исторической школы" и краеведения, причем последнее рассматривалось не только как некое локальное собирательство, но увязывалось с теоретическими проблемами этнографии, а Куфтин даже утверждал, что "именно подход краеведный наиболее удовлетворяет требованиям этнографической науки вообще" (Богданов 1923: 104). Толстов принял активнейшее участие и в развитии, и в последующем разгроме этих направлений деятельности своих учителей.

Краеведение как движение "снизу" при поначалу благосклонном и либеральном отношении "верхов" получило развитие, позволяющее современным историографам называть 1920-е годы "золотым веком" советского краеведения. Интеллектуальные силы центра, в частности, московские и ленинградские этнографы, включились в этот процесс, предоставляя краеведению теоретическое обоснование в рамках своей науки. В декабре 1921 г. была созвана первая конференция краеведов, образовавшая орган руководства движением – Центральное бюро краеведения. В.В. Богданов и Б.А. Куфтин – музейные этнографы, ориентированные преимущественно на материальную культуру, – призывали к детальной фиксации территориального распространения предметов, выявления на этом основании границ этнографических районов, что в дальнейшем должно было привести к выводам относительно их этнической и культурной истории. Главным образом это касалось выяснения миграционных потоков восточных славян и истории их расселения (Там же: 5–13, 101–108). На практике такого рода исследования Куфтин осуществил в работе о материальной культуре русской мещеры. Ранние исследования Толстова следуют этой парадигме как в теоретическом плане, так и с точки зрения тематики, охватывая главным образом районы Центральной России.

Со второго курса он начал интенсивную полевую работу, явившуюся как бы непосредственным продолжением увлечения детскими лет. Приведенный им в одной из автобиографий список полевых экспедиций внушает уважение: с 1924 по 1937 г. он участвовал в 13 этнографических экспедициях и раскопках 13 археологических памятников разных эпох и культур (славянские и мордовские курганы, мезолитические и неолитические стоянки), причем уже в 1925 г. (в 18 лет) он был начальником этногра-

фического отряда экспедиции Антропологического института МГУ в Нижегородскую обл. В Нижегородское Заволжье Толстов ездил 4 раза – в 1925–1928 гг., а также участвовал в экспедициях во Владимирскую и Московскую области, Марийскую автономную область, Татарскую АССР, Башкирию, Крым и, наконец, в 1929 г. – впервые в Хорезм в составе экспедиции под руководством П.Ф. Преображенского (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 162. Л. 2–3). Экспедицией в Нижегородскую обл. руководили Б.С. Жуков, а также Б.А. Куфтин, благодаря советам и указаниям которого, как писал Толстов, "мне удалось справиться с возложенной на меня задачей" (Там же. Д. 3. Л. 3). Результаты поездок 1925–1926 гг., за помощь в обработке которых Толстов благодарил Куфтина, были подготовлены к печати уже в 1927 г. в виде трех статей объемом более 200 страниц со значительным количеством чертежей, фотографий и планов жилищ ("Элементы материальной культуры русского населения Ветлужско-Керженского края", "Обычай и верования русских крестьян Ветлужско-Керженского края (этнографические материалы)" и "Промыслы Ветлужско-Керженского края"). Их можно рассматривать как опыт написания "культурно-исторических очерков отдельных районов", к созданию которых призывал Богданов. Эти впечатляющие своей скрупулезностью этнографо-краеведческие работы остались неопубликованными (Там же. Л. 1)¹.

Перейдя на этнологический факультет, Толстов попал на некоторое время под влияние П.Ф. Преображенского. Последний занимался в большей степени теоретическими вопросами этнологии и от краеведения был далек. Однако Толстов сумел извлечь пользу из этого влияния как в своих эмпирических работах, так и при первых попытках выйти на вопросы "большой теории". Исходя из собственных представлений о развитии западноевропейской и американской этнологии, Преображенский указывал на то, что эволюционизм повсеместно вытесняется новой, "исторической" школой, к которой он относил и немецких диффузионистов, и Риверса, а также учеников Боаса. Последним, более осторожным в своих построениях, он отдавал явное предпочтение. Основными теоретическими проблемами современной этнологии Преображенский считал установление взаимосвязи ("корреляции") элементов культуры в рамках культурного круга и изучение механизмов заимствования этих элементов другими культурами (аккультурация) (Преображенский 1929: 26–29).

Параллельно с активной и плодотворной исследовательской деятельностью Толстов развил не менее бурную активность в области организации краеведческого движения. Общественный темперамент, проявленный им еще в пионерские годы, с вступлением в 1924 г. в комсомол сказался с еще большей силой. Идеологическая борьба в краеведении велась главным образом вокруг двух главных задач: подчинения движения "задачам социалистического строительства" и превращения его в "массовое рабоче-крестьянское движение". Именно в этом направлении подталкивали развитие движения решения III Всероссийской конференции по краеведению (декабрь 1927 г.), на который был выбран новый состав президиума Центрального бюро краеведения (ЦБК) во главе с партийным функционером П. Смидовичем. Позднее, в марте 1930 г., IV конференция окончательно провозгласила "превращение краеведения в одну из форм содействия строительству социализма" – этот лозунг бросался в глаза ее участников в актовом зале 1-го МГУ (IV Всероссийская: 6). На протяжении этого периода шла борьба между "старыми краеведами", которых поддерживало ленинградское отделение президиума ЦБК, и московской партийной верхушкой в руководстве движением. Толстов стал не только активным участником этой борьбы, но и ее очень страстным летописцем. Со свойственной ему энергией и максимализмом он встал на сторону партийного руководства, отстаивая линию партии в краеведческом движении среди студенчества.

Идеологические доводы, которыми оперировал Толстов, были характерны для популистской риторики 1920-х годов. В то время, как в искусстве с помощью Пролет-

культы, движения рабселькоров массы "атакуют вершины культуры", научно-исследовательская работа, – сетовал Толстов, – "еще в сильной степени остается монополией касты оторванных от масс специалистов" (Толстов 1930: 5). Ядро обществ краеведения составляют представители академических кругов, на местах наиболее активны также работники вузов, музеев, учителя и врачи. "Рабочий если и попадал в краеведное общество, то чувствовал себя чужим и ненужным в этих "высокоученых" корпорациях" (Он же 1932: 44). Толстов не жалел идеологических ярлыков для своих оппонентов, щедро награждая их всеми возможными бранными эпитетами тех лет: черносотенные, кулацкие, мелкобуржуазные, реакционные... Чтобы объяснить, почему в краеведении оказалось так много реакционеров, он указывал на то, что многие "бывшие люди", вытесненные из общественной жизни, "окопались" в краеведении, "прикрываясь флагом общественно-полезной работы" (Там же: 33). Отсюда и содержание их работ: в лучшем случае – оторванное от жизни, в худшем – националистическое любование "живой стариной".

В то же время Толстов имел довольно определенное, хотя и утопическое представление о том, что в идеале должно являть собой краеведческое движение. В противоположность замкнутости и "цеховщине" оно должно быть массовым и рабоче-крестьянским. Краеведческие ячейки возникнут чуть ли не на каждом предприятии и колхозе. Изучающие сами себя рабочие и колхозники (к примеру, заводские краеведы, исследующие причины производственного брака или перебоев в снабжении) используют свои выводы для устранения данных недостатков, становясь в процессе все более сознательными участниками социалистического строительства (Там же: 18–19). Центральной задачей движения должно стать изучение района с точки зрения его производительного потенциала: человек как производительная сила, полезные ископаемые, почвы, промышленность, транспорт и т.д., а результатом – всестороннее описание, "паспорт" района, который могут использовать в целях планирования советские и партийные органы (Там же: 57).

Руководствуясь подобными представлениями, в январе 1929 г. Толстов возглавил московскую группу студенческой секции ЦБК (секретарем была Т.А. Трофимова) и повел борьбу за их реализацию. Главным противником его линии оказалось ленинградское отделение студсекции, состоявшее в основном из студентов географического факультета Ленинградского государственного университета. Толстов вынужден был признать, что они – более опытные краеведы, однако обвинял их в кружковой замкнутости и аполитичности. Ленинградцы, по его мнению, неправы в "организационном вопросе": группировались вокруг одного кружка при геофаке, в то время как московская секция включала представителей различных научно-технических кружков при вузах и студенческих землячествах. Ленинградцы предлагали создавать в вузах специализированные краеведческие кружки, а москвичи, преследуя цели массовости, хотели внедрить краеведческую работу в сеть уже существовавших кружков. Зимой 1928/29 г. это противоречие вылилось в ожесточенные споры, в ходе которых в докладах Толстова впервые в среде студентов-краеведов «было произнесено слово "классовая борьба"» (Толстов 1930: 24). В итоге ему удалось добиться поддержки большинства студенческой аудитории, и даже в Ленинграде руководство студсекции перешло в руки "партийно-комсомольской группы" (Там же: 26).

С точки зрения судьбы краеведческого движения, эти победы Толстова оказались пирровыми, а его ортодоксальная позиция – в лучшем случае идеализмом. Надежды на массовый приток в краеведение рабочих и крестьян не оправдались, зато произошел массовый уход из него старых специалистов. Краеведение не исчезло, однако попало под полный контроль государственных органов, действительно выполняя заказы плановых организаций по поиску полезных ископаемых или, к примеру, изучению затопляемых участков во время строительства канала Москва–Волга. Все 1930-е годы

краеведение подвергалось постоянным реорганизациям, а его связь с этнографической наукой была полностью утеряна (ср.: *Ларина* 1999).

Драматичными оказались и судьбы связанных с краеведением московских этнографов. Богданова и Куфтина в 1930 г. репрессировали, и они смогли вернуться к научной работе только годы спустя; вынужден был уйти из науки и автор "Современной деревни" – блестящего образца изучения локального сообщества – М.Я. Феноменов. Наиболее неприглядной стороной описанной выше деятельности Толстова являлось то, что все эти ученые подверглись в его публикациях идеологическому разгрому. С Куфтиным, к примеру, Толстов не соглашался еще в 1927 г. по сугубо научному вопросу: первый считал так называемую русскую мещеру чистыми великорусами, второй видел в них потомков обрусевших финнов (и прав в данном споре был, по-видимому, все же Толстов) (*Богданов, Толстов* 1929: 158). В 1932 г. этой полемики было достаточно, чтобы записать Куфтина вместе с Зелениным в великорусские шовинисты (*Толстов* 1932: 107). Особенно резким нападкам как представителя "кулацкого краеведения" и сторонника "кондратьевщины" Толстов подверг Феноменова. Тот был вынужден написать "самокритичное" письмо в "Советское краеведение", в котором признавал, что являлся противником колхозного движения, однако, увидев в 1929 г., как изучавшаяся им деревня на глазах преобразуется в хороший колхоз, полностью изменил свою точку зрения и готов служить социалистическому строительству (*Феноменов* 1930: 33–34). Но этот шаг не помог ему остаться в этнографии.

Изложенное выше возвращает нас к сложному вопросу взаимоотношений поколений учителей и учеников – в данном случае Толстова – на рубеже 1920–1930-х годов. В литературе неоднократно цитировалась дневниковая запись С.А. Токарева, констатировавшего после совещания этнографов в апреле 1929 г., что Толстов «как будто решительно "отмарксизировался" от Куфтина» (*Козлов, Пучков* 1995: 161). Через этот обряд отречения и критики своих учителей проходили многие молодые этнографы тех лет, стремившиеся стать хорошими марксистами и утвердиться в науке. Случай Толстова очень показателен и совсем не однозначен.

Выше упоминалось о влиянии, оказанном на молодого ученого Преображенским. Первое известное нам высказывание Толстова по теоретическим вопросам сделано им на обсуждении доклада Преображенского и полностью созвучно его идеям. Основные понятия "культурно-исторической школы" – диффузия, заимствования и аккультурация, – по его мнению, неоспоримы, хотя "культурный ареал" американских этнографов является более удачным их применением, чем "метафизические" культурные круги Гребнера и Шмидта. С.П. Толстов отметил неразрешенность проблемы соотношения этноса и культурного круга, а также указал на большие задачи этнографии в свете социалистического строительства, намечающуюся в связи с созывом этнографического совещания "организацию" этнографов для решения этих задач и выразил пожелание, чтобы этот процесс прошел "возможно скорее и безболезненнее" (*Богданов, Толстов* 1929: 224). Это характерное для выступлений молодого Толстова совмещение интереса и понимания теоретических проблем с обильным использованием советской риторики проявилось и на апрельском совещании этнографов Москвы и Ленинграда, прошедшем далеко не так безболезненно, как ему хотелось.

Преображенский сделал на совещании программный доклад "Этнология и ее метод". Не удовлетворенный отсутствием "внутренней связки" культурных элементов в культурных кругах немецких диффузионистов, он предлагал ввести понятие "технически-хозяйственного ареала", с помощью которого можно выстраивать культурные круги, основанные на едином и основном признаке типа хозяйства – идея, казавшаяся вполне перспективной в свете применения марксистского метода и поддержанная, в частности, В.Г. Богоразом и М.Г. Левиным (АМАЭ. Л. 15–20). Толстов назвал доклад Преображенского "колоссальным шагом вперед" в уточнении задач этнографии, ее увязки с археологией и историей, но предложил более последовательно марксистскую

(однако вряд ли более убедительную) трактовку технико-хозяйственного ареала как "географического выражения одновременного сосуществования различных социально-экономических формаций" (Там же: 46–47). Он поддержал стремление Преображенского историзировать этнографию, но ее объектом считал по преимуществу "социально-экономические формации с низким уровнем развития производительных сил" (Там же: 79). В докладе Толстова "Задачи этнологии в социалистическом строительстве" в качестве таковых назывались изучение классовой дифференциации у "культурно отсталого населения", происхождения малых и бесписьменных народов, антирелигиозная работа и т.д.

Интересно также сравнить отношение Преображенского и Толстова к понятию "этнос". Преображенский, хотя и признавал этнос "объектом этнологической науки", особого интереса к нему не проявлял, указывая лишь на проблематичность его совмещения с культурными кругами. Толстов же прямо призывал бороться с вредной тенденцией придать этносу "какое-то особое значение" и представить этнографию как науку об этносе: "Материальные объекты, социальные институты, которые мы изучаем, совершенно ясно показывают ту глубокую тесную связь между отдельными районами, показывая насколько историчным... является само образование определенных наций". С политической же точки зрения этнос как "внеклассовое образование" может быть только знаменем буржуазной идеологии (Там же: 84).

Совещание 1929 г. известно в литературе главным образом из-за деятельности В.Б. Аптекаря и его попыток отрицать статус этнографии как науки, в том числе возможность марксистской этнографии – термин, звучавший, по его словам, так же, как "марксистская хиромантия". Протоколы совещания демонстрируют практически единодушную и – вполне предсказуемо – негативную реакцию этнографов на эту попытку подорвать легитимность их профессии, в которой (впрочем, очень ненадолго) объединились ученые разных взглядов и поколений. Одним из активных защитников этнографии выступил и Толстов. По его мнению, доклад Аптекаря не имел научного значения и представлял собой попытку "с большой сенсацией ломиться в открытую дверь", так как и Преображенский, и Маторин, и сам Толстов признают, что этнография – лишь часть истории и никакой особой методологией не обладает. "Здесь мы все работники в деле строительства марксистской этнологии, – закончил свое выступление по докладу Аптекаря Толстов, – и мы ее построим вопреки вам и всем ультра левым и ультра правым" (Там же: 189). Впрочем, в этом патетическом заявлении Толстов, конечно, преувеличил степень единства советских этнографов. В длительной перспективе советская марксистская этнография, по крайней мере, как ее понимал Толстов и во многом благодаря его усилиям, была создана, однако в ближайшие несколько лет после совещания 1929 г. ему приходилось – по крайней мере в публичных высказываниях на эту тему – проявлять стремление быть левее самых "ультра левых".

Примером тому может послужить выступление Толстова на Археолого-этнографическом совещании в мае 1932 г. Атмосфера этого совещания разительно отличалась от этнографического 1929 г. На майском совещании было гораздо больше археологов и теоретиков из Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), чем этнографов. Оно проходило в ГАИМК и было организовано, чтобы утвердить монополию учеников Н.Я. Марра в исторических науках, так что никаких принципиальных дискуссий не предполагалось и не состоялось. Толстов выступал на совещании как представитель ЦБК, Общества краеведов-марксистов и Музея народоведения. Вслед за Н.М. Маториным он каялся и признавал, что попытка создать марксистскую этнографию была ошибкой. В качестве примера приводил собственные работы 1927–1928 гг., в которых пытался ввести марксистские методы в этнографию, но "ничего из этого не получилось кроме эклектизма". Однако в его, как обычно, боевом и усиленно политизированном выступлении чувствовалась некоторая растерянность, свойственная в тот период многим этнографам: ведь если этнография и археология

как профессии уничтожаются, уступая место единой марксистско-ленинской истории (а Толстов не только смирился с этим, но и публично поддержал эту идею), то "все же нельзя сказать, что уничтожаются источники...", которыми они пользовались (АИИМК. Д. 201. Л. 99–102). Впрочем, в конце совещания председательствующий несколько успокоил собравшихся, заверив, что хотя как самостоятельные науки, изучающие "особую форму движения материи", археология и этнография свое существование прекращают, "мы будем решительно бороться против тех", кто истолкует это так, что "вообще ликвидируется археологическая и этнографическая работа" (Там же. Д. 202: 196–197).

На фоне закрытия кафедр и перепрофилирования музеев, оставлявших для этнографов все меньше рабочих мест, эти утверждения служили слабым утешением. Сложившаяся ситуация окончательно перессорила даже бывших единомышленников. Так, вскоре после совещания 1932 г. Н.М. Маторин опубликовал статью "Пятнадцать лет советской этнографии", в которой упоминал о культурно-исторических заблуждениях Преображенского и Толстова. Последний вынужден был уже печатно признавать свои "крупные ошибки". Переходя в наступление, он обвинял самого Маторина в защите таких "буржуазных" ученых, как Б.А. Куфтин, Д.А. Золотарев и (в особенности) Д.К. Зеленин, в попытке ревизовать единственно правильные решения совещания в ГАИМК и скрытых нападках на самого Марра (Толстов 1934: 114–117).

Яростное отстаивание "гаимковских" позиций не было случайным. В 1932 г. оказалось расформировано музейно-краеведческое отделение Института философии литературы и истории, в котором Толстов учился в аспирантуре. Для продолжения образования он был переведен в московское отделение ГАИМК. Окончив в 1934 г. аспирантуру, он стал старшим научным сотрудником академии, а через год, получив звание кандидата наук, – ученым секретарем московского отделения. Начав свою научную жизнь под руководством столь одиозных для того времени руководителей и устроившись в итоге на работу в организацию, фактически инициировавшую всю антиэтнографическую кампанию начала 1930-х годов, Толстов стремился доказать свою лояльность в новой среде, тем более что именно в ГАИМК ему дали возможность изучать восточные языки (арабский, персидский, китайский и чагатайско-тюркский) и активно публиковаться. Характерно, что с 1932 г. до послевоенного времени Толстов не опубликовал ни одной строчки в "Советской этнографии".

Время показало, что лояльность Толстова установкам ГАИМК была все же временным тактическим ходом. В 1937 г., когда многие "ультралевые" марксистские теоретики и администраторы начала 1930-х годов были репрессированы, а академия стала институтом в составе Академии наук, появилась возможность проявить уже, очевидно, давно копившееся недовольство. Речь идет о статье А. Арциховского, М. Воеводского, С. Киселева и С. Толстова "О методах вредительства в археологии и этнографии". Можно, конечно, согласиться с Ю.И. Семеновым, усматривающим в появлении этой статьи такие психологические причины, как страх репрессий и т.д., однако стоит учитывать тот факт, что трое из указанных авторов (Арциховский, Киселев и Толстов) были в свое время активными сторонниками создания марксистских археологии и этнографии, и все трое вынуждены были каяться в своих ошибках ради того, чтобы попасть в состав Московского отделения ГАИМК (Рапопорт, Семенов 2004: 213; Формозов 2004: 63).

При всей одиозности данной статьи в ней можно разглядеть и вполне рациональную критику установок начала 1930-х годов – "вредительского" отрицания легитимности этнографии и археологии, засилия формационного догматизма и даже критику марризма – в том виде, в котором его развивали ученики Марра (Арциховский и др. 1937: 89). Осталась неопубликованной статья Толстова "О вредительстве и безответственности на участке истории первобытного общества", в которой он нападает главным образом на таких теоретиков первобытности из ГАИМК, как С.Н. Быковский,

А.Г. Пригожин и В.И. Равдоникас, указывая, однако, что они вдохновлялись книгами В.К. Никольского, автора идеи тотемистического и родового общества, всячески принижавшего – в противовес Моргану и Энгельсу – значение рода (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 9). Специально Быковскому посвящался едкий набросок «Проблемы первобытной истории и "юбилейное творчество" С.Н. Быковского», в котором последний уличался в самоплагиате (Там же. Д. 41).

Только став во главе советской этнографии, Толстов признал, что в начале 1930-х развитие этнографии и археологии "шло во многом по неправильному пути", а разработка вопросов первобытности от этнографов перешла к археологам-марристам (Толстов 1951: 4–5). Описывая в своих лекциях этот период истории советской этнографии, он говорил не только о борьбе марксистов с "буржуазными" старыми профессорами, но и о "горе-социологах", строивших априорные схемы развития общества и не утруждавших себя "копанием" в этнографических "мелочах" (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 128. Л. 8–9). Он также перечислял этнографов, которые в то время вынуждены были переквалифицироваться в историков (Токарев), археологов (Куфтин, Руденко, Чернецов, Бернштам) и языковедов (Гринкова и др.) (Алымов 2006: 213). В каждом случае это переквалификационное имело разные, в том числе чисто научные, причины. В принципе Толстов мог включить в этот список и себя, однако его поворот к археологии произошел, как известно, позднее – в 1937 г. Прежде всего он был вызван, конечно, научными причинами: раскопки явились необходимым условием для решения многих вопросов истории Средней Азии. Однако у ученого могли быть в тот момент и более приземленные мотивы для занятия археологией: ведь именно в 1937 г. ГАИМК преобразовали в Институт истории материальной культуры, что было связано с уточнением чисто археологического профиля института, тогда как ранее в академии работали представители самых разных исторических дисциплин.

Очевидно, что декларации Е.Ю. Кричевского, С.Н. Быковского и других "гаимковцев" о том, что археологи и этнографы должны превратиться в историков, пользующихся всем спектром письменных, вещественных и этнографических источников, нашли в творчестве Толстова архетипическое воплощение: достаточно открыть его книгу "Древний Хорезм", чтобы увидеть, как, излагая политическую историю, он опирается на письменные источники, а реконструируя социальный строй и хозяйство доисторического населения региона, прибегает к этнографическим аналогиям от индейцев пуэбло до австралийцев.

Работы середины 1930-х годов послужили своеобразным резервуаром, из которого Толстов черпал теоретические конструкции и этнографические интерпретации истории Хорезма. Так, идеи статьи "Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен", а также менее известной "Черты общественного строя восточного Ирана и Средней Азии по Авесте" развиваются в знаменитом третьем экскурсе "Древнего Хорезма", в котором Толстов прослеживал корни авестийской мифологии в архаических дуалистических и тотемистических представлениях, связывая их, в свою очередь, с интерпретацией археологического материала: большие, разделенные на две половины городища типа Джанбас-кала свидетельствуют, по его мнению, о значении фратриального деления в древнехорезмийском обществе.

Следует отметить, что дуалистической социальной организации и мифам Толстов уделял большое внимание, развивая эту тему параллельно и, вероятно, в обмене идеями с А.М. Золотаревым. Статья "Военная демократия и проблема генетической революции" стала теоретической базой для анализа "военно-рабовладельческой" природы кочевнических империй Центральной Азии (экскурс второй – "Тирания Абряя").

Итак, в 1920–1930-е годы Толстов проделал сложную эволюцию. Начав этнографическую карьеру как ученик Куфтина, Богданова и Преображенского и последователь их "культурно-исторической" методологии, он вскоре оказался в рядах активных марксистов. Неудача и временная дискредитация самого понятия "марксистская этно-

графия" заставили его искать новых союзников в лице сотрудников ГАИМК. Соответственно менялся и характер его работ. От кропотливого краеведения своих первых опытов Толстов вскоре перешел к очень широким и не менее рискованным теоретическим построениям, характерным для эпохи "бури и натиска" марксизма. Только к концу 1930-х годов он суживает географический и тематический охват своих работ, сконцентрировавшись преимущественно на среднеазиатской истории и археологии, однако никогда до конца не отказавшись от рассмотрения глобально-исторических проблем. Другой чертой, сформировавшейся в эти годы и, наверное, помогшей ему выдвинуться на лидирующие позиции, была убежденная приверженность марксизму и советской идеологии, а также склонность использовать в научных спорах политические аргументы.

Оппоненты

Сложно назвать какую-либо принципиальную дискуссию или теоретическую проблему советской этнографии, в обсуждении которой Толстов не принимал бы участие. Широчайший спектр вопросов, по которым он высказывался в 1930-е годы, хорошо известен. В.И. Равдоникас еще в 1933 г. отмечал, что особенностью Толстова как научного работника "является его неизменное стремление к очень широким обобщениям... на самом разнообразном материале – от палеолита до феодализма в Средней Азии" (Основные проблемы 1934: 329). Тенденция к широким и зачастую скороспелым обобщениям была характерной чертой стиля советской науки того времени. Следствием этого было обилие дискуссий, которые велись, как правило, в очень резком, порой на грани литературного языка, стиле. Их характерной особенностью, сформировавшейся в основном усилиями марксистов, было смешение в едином дискурсе научных, идеологических и политических аргументов. Толстов был мастером ведения подобных дискуссий, однако его взаимоотношения с двумя оппонентами – Д.К. Зелениным и Л.И. Климовичем – выделяются на фоне бурной интеллектуальной биографии ученого.

Затяжной конфликт Толстова и Зеленина уже описан в научной литературе, однако обращаясь к этой странице в жизни обоих, мы попытаемся указать на ряд малоизвестных деталей в творческой и идеологической эволюции этих ученых. Как известно, Толстов выступил с критикой статьи Зеленина "Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?". Отрицательно отвечая на этот вопрос, Зеленин приводил несколько аргументов: большинство зафиксированных в летописях финских племен существует до сих пор, даже обрусевшие финны помнят о своем происхождении; в культуре и языке великорусов практически нет следов финского влияния, а сравнение с другими восточными славянами приводит к выводу о том, что культурные особенности северных великорусов являются "простым развитием общевосточнославянской культуры применительно к северной природе" (Зеленин 1929: 107).

Статья "К проблеме аккультурации" с критикой Зеленина была последней работой Толстова по восточнославянской этнографии и в то же время ознаменовала его переход от локально-краеведческих работ к постановке широких теоретических проблем. Кроме того, в ней он впервые солидаризировался с Марром, учение которого будет отстаивать вплоть до 1950 г. В некотором смысле это было частью процесса разрыва с учеными старшего поколения: еще в 1927 г. в своей попытке классификации средне-русского жилища Толстов развивал идеи Зеленина о различиях южного и северного типа великорусских построек (Богданов, Толстов 1929: 75)². Однако в 1930 г., уже возражая Зеленину, он продвинул это противопоставление значительно дальше: общие черты культуры великорусов, по его мнению, являются в большинстве своем поздними, тогда как параллели, связывающие северных великорусов с коми, карелами и прибалтийскими культурами, с одной стороны, а южных – с финнами и тюрками

Поволжья, с другой – это следствие гораздо более древних связей эпохи яфетических предков обоих языковых групп. Именно эти параллели, замалчиваемые, по его мнению, Зелениным, он и пытался показать на материале одежды, жилища, орнамента, археологии и антропологии. Толстов демонстрировал свое разочарование в понятиях этноса и культурного круга, представляющих собой надысторические, природные сущности: «Нельзя рассматривать развитие какой-либо "народности" или "культуры" как имманентный процесс, начало которого кроется где-то в незапамятных временах, а конец – в неизвестном будущем» (Толстов 1930а: 68). Как раз такую сущность пытался конструировать Зеленин, а это есть проявление национализма – отсюда предъявляемые Толстовым обвинения своего оппонента в создании научной базы русского шовинизма.

В 1937 г. Толстов и Золотарев организовали серию публикаций, в которых утверждали, что курс на ликвидацию этнографии привел к господству в ней таких идеалистов, как Зеленин (*Арциховский и др.* 1937; *Золотарев* 1937). В это время дискуссия окончательно выходит из научного поля. Толстов называет "Восточнославянскую этнографию" шовинистической и расистской книгой, а вынужденный ему отвечать Зеленин намекает на связи авторов пресловутой статьи с "врагами народа" (Зеленин 1938: 234). Хранящаяся в архиве последняя рукопись "Клеветники-перестраховщики на этнографическом фронте" свидетельствует, что он едва не решился действовать против своих недругов их же оружием: Зеленин указывал на то, что "разоблачительные" статьи пишут авторы, в недавнем прошлом отстаивавшие с одобрения и под руководством Бухарина, Маторина и Быковского антимарксистские установки. При этом, изредка "пуская покаянную слезу", они пытаются дискредитировать честных советских ученых (ПФ АРАН Ф. Д. 70. Л. 5).

Вскоре, однако, последовал и более аргументированный ответ. В докладе 1938 г. "Об исторической общности культуры русского и украинского народов" Зеленин рассуждал следующим образом: если продемонстрировать преобладание общих элементов в культуре русских и украинцев, то вопрос о финском влиянии отпадет, так как к украинцам этот тезис явно не применим. Далее шло перечисление общих черт материальной культуры русских и украинцев (Зеленин 1940). Но констатацией очевидного факта этой общности вопрос не мог быть закрыт, а о финнах в данной статье Зеленин больше не упоминал. Данная тема, очевидно, продолжала волновать автора, и в 1947 г. он предложил новую трактовку. Зеленин, наконец, признал наличие многих общих черт в одежде мордвы, марийцев, коми и русских – сорока, понева, шушпан, обычай носить височные кольца и т.д., – однако объяснял этот факт, с одной стороны, конвергентным возникновением некоторых наиболее древних элементов у обеих групп, а с другой – воздействием европейской моды, которому одинаково подвергались и те, и другие (*Он же* 1947).

Как и в 1929 г., Зеленин продемонстрировал фатальное несовпадение с идеологической атмосферой времени: модные тенденции, отражавшиеся в костюмах финнов и русских, шли, по его мнению, с запада. Негативную реакцию официальной этнографии в лице С.П. Толстова и Н.Н. Чебоксарова вызвал не только сам доклад, но и конференция по финноугроведению, на которой он был прочитан. Стремление организаторов конференции создать комплексную науку по изучению финноугорских народов, по их мнению, создавало искусственную общность народов, ничем, кроме отдаленного языкового родства, друг с другом не связанных. С идеологической точки зрения это неправильно, так как, по словам Толстова, эта сконструированная общность противопоставляется русским и другим народам СССР. В разгар борьбы с космополитизмом созыв подобной конференции оказался проявлением панфиннизма, который наряду с пантюркизмом, панисламизмом и др., является разновидностью этого основного зла (*Корбе, Стратанович* 1949: 174). Чебоксаров обеспечил фактологическую сторону критики Зеленина. Она сводилась к тому, что приписываемые Зелениным западному

влиянию элементы одежды восходят к общему славянам и финнам архаическому пласту их культуры, к их "скифскому" прошлому (Чебоксаров 1948: 180–182). Таким образом, Толстов последовательно обвинял Зеленина в двух взаимоисключающих идеологических грехах: шовинизме и космополитизме.

Враждебное отношение Толстова к Зеленину сыграло, конечно, печальную роль в судьбе последнего. Если Толстов не печатался в изданиях Института этнографии АН СССР почти все 1930-е годы, то с его приходом на пост директора этого института настала очередь Зеленина, не опубликовавшего в них почти не строчки с 1941 г., а впоследствии несправедливо уволенного с работы (Решетов 2004: 169–170). Однако эти два ученых, конечно, следили за публикациями друг друга, и можно предполагать, что иногда это служило своеобразным стимулом для творчества. К примеру, в 1931 г. Толстов высказал экстравагантную идею о развитии первобытного общества от датированной верхним палеолитом стадии дородового тотемического клана, в котором господствуют старики (пережитки этой организации сохранились у австралийцев), через "чукотскую стадию" безродового общества, характерной чертой которого является обычай убийства стариков. Эти общества отражают разные стадии глобального процесса, в ходе которого средняя возрастная группа мужчин преодолела господство стариков – идея, в чем-то напоминающая фрейдовское отцеубийство (Толстов 1931: 100–102). Спустя несколько лет Зеленин написал фундаментальную статью «Обычай "добровольной смерти" у примитивных народов», в которой давал свое стадийное истолкование данному обычаю: чукчи, по его мнению, сохранили этот обычай как пережиток дородовой кочевой стадии, изобретая для него новое анимистическое обоснование (Зеленин 1937). Оба ученых также высказали интерес к теме тотемизма, причем Толстов упрекал Зеленина в отрицании стадийного характера этого явления, а Зеленин указывал на толстовскую попытку сконструировать под влиянием Быковского особую тотемическую стадию – дородовое общество (Толстов 1935: 4; ПФ АРАН Ф. 849. Оп. 2. Д. 70. Л. 9). Впрочем, этот интерес был скорее примером конвергентного развития, и влияние С.Н. Быковского, активно пропагандировавшего универсальность тотемизма, возможно, отразилось на поисках обоими учеными пережитков тотемизма (в расширительном понимании этого термина) в самых неожиданных контекстах – к примеру, береза как тотем восточных славян у Зеленина (Зеленин 1933).

Подобные "носившиеся в воздухе" идеи нашли свое отражение и в ходе дискуссий Толстова с другим оппонентом – Л.И. Климовичем. Эти споры предоставили ему возможность убедиться в том, что он также может подвергнуться идеологической критике, в частности, обвинениям в космополитизме. Климович – востоковед и литературовед, известный главным образом своими научно-популярными трудами об исламе и Коране, а также о современной среднеазиатской литературе. Он был одногруппником Толстова, окончил в 1929 г. филологический факультет ЛГУ, в начале 1930-х преподавал в Казани, позднее – в Литературном институте в Москве. Кроме того, Климович вел активную публицистическую деятельность как эксперт по исламу и борьбе с ним. В ноябре 1930 г. в Коммунистической академии состоялся его доклад на тему "Существовал ли Моххамед?". Молодой востоковед стремился доказать неисторичность этой фигуры, основывая свои доводы на отсутствии свидетельств современников, недостоверности и мифологичности всех источников. В ходе обсуждения ему было указано, что, используя такие критерии, придется отказаться от большей части древнегреческой и римской истории (Существовал ли Моххамед? 1931: 208–209). Осваивавший в те годы востоковедческую тематику Толстов решил продолжить источниковедческие поиски Климовича, однако внес в них новые, этнографические идеи.

В период воинствующего атеизма этнографы нашли один из путей применения своих знаний на фронте антирелигиозной пропаганды. Они, с одной стороны, рассуждали о социальных корнях религии и путях борьбы с ней, с другой – деконструировали мировые религии, отыскивая в них пережитки ее ранних форм и народных верований. В

отношении христианства это проделали В.Г. Богораз и Г.В. Ксенофонтов, причем если первый приводил легендам о Христе различные мифологические параллели, сравнивая его с тотемным предком, умирающим и воскресающим богом и т.д., то Ксенофонтов сосредоточился на шаманских корнях христианства, уверяя, что "хрестесами" называли наводнивших Римскую империю знахарей-шаманов (Богораз 1928; Ксенофонтов 1929). На шаманские черты в образе Мохаммеда указал Маторин; Толстов подхватил и развил эту идею. В своей первой востоковедческой статье он сразу брался за центральные проблемы исламоведения – социальные корни ислама и мифологические источники мифа о Мохаммеде.

Что касается социальных корней, то Толстов считается автором гипотезы о рабовладельческом характере арабского общества той эпохи, получившей определенное распространение в советской литературе (Стецкевич 1977: 118). Кроме того, опираясь на Марра, Маторина и Ксенофонтова, Толстов выделял черты, роднящие биографию Мохаммеда с шаманскими легендами, делая вывод о том, что "миф о Мухаммеде есть модификация древнего шаманистского мифа арабов" (Толстов 1932а: 68). С такой радикальной позицией не мог согласиться даже Климович, обрушившийся на Толстова и других этнографов с едкой критикой их построений: делая Мохаммеда и Христа разновидностями "великих шаманов", они выхватывают лишь внешние сходства (путешествия на небо, экстатические припадки и т.д.), игнорируя принципиальные различия шаманизма и великих мировых религий (Климович 1933: 88–91).

Как и в случае с Зелениным, новый тур дебатов был связан с послевоенным патриотическим подъемом и кампанией против космополитизма, однако на этот раз в роли обороняющейся стороны выступил Толстов. Вместе с большинством ведущих историков, археологов и этнографов он включился в 1940-е годы в разработку ставшей актуальной темы этногенеза народов СССР, выступал с докладами на сессиях по этногенезу народов Средней Азии, индоевропейцев и славян. На последней (декабрь 1943 г.) он сделал доклад "Из предьстории Руси", в котором, следуя характерной для того времени тенденции поиска древнейших истоков славянства в духе крайнего антинорманизма, представил свои размышления на эту тему. Будучи востоковедом, Толстов "тянул" славян к востоку. Он нашел новые аргументы в пользу старой гипотезы Д.И. Иловайского, отождествлявшего руссов и роксалан – в свою очередь, потомков массагетов, оговаривая, однако, что они являются лишь одним из "предшественников славянских руссов", еще не говоривших на славянских языках. Они были частью сложного конгломерата многочисленных родственных между собой "протоиндоевропейских" племен фракийцев, киммерийцев, массагетов, алан и др., черты культуры которых прослеживаются у их общих потомков. Толстов указывал на сходство тамг хорезмских, боспорских, кушанских династий и Рюриковичей, родство героя среднеазиатского и кавказского эпоса Рустама с богатырем Ерусланом Лазаревичем, славянские связи с Хорезмом и Хазарией, откуда берет свое начало образ казака-хазара Ильи Муромца и т.д. (Толстов 1947).

На этот доклад последовала незамедлительная реакция Климовича, опубликовавшего в "Литературной газете" своеобразную рецензию под названием "Плохая фантастика вместо науки". Все разговоры о некой "доисторической общности", как уверял Климович, только прикрывают возрождение Толстовым теорий Стасова, Миллера и других сторонников теории заимствований, отрицавших всякую самобытность русского народного творчества. Толстов выводит название русских от библейского народа "рош", названия Ростова и Суздаля оказываются эпитетами массагетского божества солнца, русские богатыри восходят к какому-то восточно-арийскому эпосу. Особое возмущение Климовича вызвало заимствованное Толстовым у Марра сближение казаков и хазар, являющееся "прямым издевательством над дорогими каждому русскому человеку национальными образами" (Климович 1948). Статья Климовича обсуждалась в Институте этнографии как минимум дважды – на партсобрании и на ученом со-

вете, причем в нем принимал участие сам автор, не побоявшийся прийти, зная, что встретит не слишком дружелюбный прием.

Этнографы действительно единодушно осудили Климовича как за методы критики, так и по существу самой дискуссии, причем многие отмечали, что этот выпад затрагивает методологические основы работ по этногенезу, так как в своих этногенетических поисках Толстов опирался на Удальцова, Державина и – в конечном итоге – на Марра, именем которого были освящены идеи о "скрещении" языков и культур и смешанном происхождении всех народов. Токарев, в частности, заметил, что рецензент выразил "то, что в воздухе носится, но не выражается прямо в печатных и устных выступлениях", а именно – воинствующий шовинизм, в погоне за самобытностью лишаящий русских связи с античным наследием и другими центрами цивилизации (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 164. Л. 26, 38, 45–48, 67–68). Впрочем, следует отметить, что это была действительно не самая удачная работа Толстова, по крайней мере, одна из немногих, получивших отрицательную рецензию также и в научной печати. Ее автор, А.И. Попов, резко раскритиковал толстовские этно- и топонимические гипотезы (Попов 1948).

Описанными выше эпизодами многочисленные острые дискуссии, которые вел Толстов на протяжении своей карьеры, отнюдь не исчерпываются. Они, однако, показывают, с одной стороны, его умение пользоваться в борьбе с противниками всем арсеналом научных и идеологических аргументов, с другой – напряженную политическую актуальность самых, казалось бы, академических сюжетов. Несложно заметить, что большинство из них так или иначе касалось национальных проблем и этногенеза – раздела исторической и этнографической науки, получившего в 1930–1940-е годы мощное развитие, также обусловленное комплексом внутринаучных и политических причин. Несмотря на то что поведение Толстова в некоторых описанных выше эпизодах может показаться беспринципным, он, конечно, имел четкие представления об этногенезе как исторической проблеме и методах ее исследования, рождавшиеся в том числе в ходе подобных дискуссий. Эти представления были во многом основаны на учении Марра, активно использовавшемся Толстовым для решения проблем этногенеза народов Средней Азии и индоевропейцев. Он также выработал своеобразную историческую концепцию, даже своего рода философию истории, которая по ряду причин осталась практически неизвестной страницей его наследия. Мы попытаемся остановиться на некоторых ее положениях, связывая ее становление с более широким внутринаучным и идеологическим контекстом.

Древняя история народов СССР

Приступая к археологическому изучению древнехорезмийской цивилизации, Толстов уже имел большой запас идей и гипотез относительно основных вопросов истории Средней Азии. Именно так называлась его статья 1938 г., в которой он обрисовал программу, осуществлению которой будет посвящена его дальнейшая деятельность. Культура древней Средней Азии, писал он, "заслуживает того, чтобы занять одно из выдающихся мест среди культур древнего мира" (Толстов 1938: 177). В результате многолетнего кропотливого труда Толстов действительно создал картину хорезмийской цивилизации, которой могли бы позавидовать сами римляне. Уходя корнями в раскопанные Хорезмской экспедицией первобытные культуры IV–I тысячелетий до н.э., она прошла античную и средневековую стадии развития и пала в XIII в. жертвой монгольского завоевания, будучи на протяжении многих веков мощной империей, влиявшей на политическую историю всего континента, давшей миру выдающихся ученых ал-Хорезми и Бируни, зороастрийскую религию и сыгравшую, по Толстову, ключевую роль в генезисе индоевропейцев. Он упорно доказывал наличие рабовладельческого строя "для арабов – в 1932 г., для кочевых народов Средней и Центральной Азии – в 1934 г., в общетеоретическом, сравнительно-историческом плане – в 1935 г., наконец,

для оседлых народов Средней Азии – в 1935–1938 гг." и считал одним из главных итогов своей работы вывод о том, что история этих народов – в противовес буржуазным концепциям "застойности", цикличности развития восточных обществ и господства в них феодализма – "представляет собой длинный путь прогрессивного развития от первобытно-общинного строя к рабовладельческому и далее феодальному" (*Он же* 1948: 7; 1957: 31). Блестящий успех этого главного дела жизни ученого был обеспечен как его личным талантом, так и историческими обстоятельствами, благоприятствовавшими его осуществлению.

В 1930-е годы историческая наука развивалась по сходной с этнографией и археологией траектории. Доминирование в начале десятилетия школы М.Н. Покровского в чем-то сродни доминированию ГАИМК, во всяком случае, в 1934 и 1936 гг. в известных постановлениях ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории, положивших конец этой ситуации, она также критиковалась за схематизм, "абстрактные определения общественно-экономических формаций" и "ликвидаторское" отношение к истории как науке. Партия дала задание разработать новые учебники, однако, как известно, первая попытка "конспекта" учебника по истории СССР привела к появлению знаменитых "Замечаний" Сталина, Кирова и Жданова. Немаловажное место в их критике занимала проблема национальной истории: историки подготовили "конспект *русской* истории, а не *истории* СССР", не включив в него украинцев, народы Кавказа, Прибалтики, Поволжья и т.д. Новый подход к освещению отечественной истории формулировался предельно четко: "Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась бы от истории других народов СССР – это во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, – это во-вторых" (К изучению 1937: 24). Новому поколению ученых предстояло выработать свою историческую концепцию, и археология играла в этом процессе немаловажную роль.

Как и этнография, археология пережила на рубеже 1920–1930-х годов бурный этап ее "отмены" марксистскими радикалами, однако с 1934 г. начинается новый период, названный А.А. Формозовым "стабилизацией на новой основе". Эта стабилизация способствовала организации во второй половине 1930-х годов крупных археологических экспедиций, принесших к 1940-м годам важные результаты и открытия. Хорезмская экспедиция была частью этого мощного процесса. Более того, именно археологи играли лидирующую роль в создании эпической картины истории СССР, отвечавшей новым научным и идеологическим представлениям. Одновременно с работой над учебниками готовились многотомные обобщающие труды, в частности, "История СССР". В 1939 г. ИИМК выпустил первый том: "История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства". Предполагалось, что перед публикацией он пройдет "через обсуждение и критику широких кругов советских историков", однако книга так и осталась изданной тиражом 200 экземпляров "на правах рукописи" – первоначально, видимо, помешала война, а затем – развенчание марксизма. Тем не менее это был первый опыт построения совершенно новой исторической концепции – "история СССР" была подана в этой работе как некий единый, связный процесс, уходящий корнями в глубокую древность и включающий в качестве активных действующих лиц многочисленные современные народы Союза, а также их исторических предшественников. Это была работа по истории "всего СССР", представляющая собой, как писали во введении авторы, "не механическое соединение историй отдельных племен и народов, а изложение истории этих племен и народов в их взаимосвязи и взаимодействии" (История СССР 1939: III). Толстов принял активное участие в этой работе, написав многочисленные разделы по истории Средней Азии, гуннам и Кушанскому царству.

Эта новая концепция, несомненно, вдохновила Толстова и послужила идейным фоном для его дальнейших конкретно-исторических исследований. Уже в 1938 г. он пи-

сал о том, что древняя история СССР должна занять "несравненно большее место" в работе отечественных историков (Толстов 1938: 176). В реплике-отзыве на представленный в АН в 1945 г. "Перспективный план в области исторической науки" он отмечал, что историкам давно пора взяться за разработку "отечественной античности" Причерноморья, Кавказа и Средней Азии "во взаимной связи с народами более северных районов СССР" (Бахрушин и др. 1945: 102). Климович обвинял Толстова не только в утрате чувства национальной гордости, но и в том, что тот "стремится представить далекое прошлое Юга нашей родины и смежных восточных стран как некую сложную систему могучих древних государств, взаимодействие и влияние которых на племена Севера будто бы обусловили культурный и политический облик позднейшей России" (Климович 1948: 4). "Каюсь, – отвечал Толстов, – я в этом повинен". Однако это и есть, с его точки зрения, один из важнейших выводов из работ советских археологов: политическая география античной эпохи представляет собой непрерывную цепь связанных друг с другом древних государств, тянущуюся от Гибралтара до Китая. Исследования Хорезма, наряду с работами Б.А. Куфтина, С.Н. Джанашиа, Б.Б. Пиотровского и др., позволяют пересмотреть представления об истории этих стран в целом: если раньше историки ориентировались на "внешние" связи этих государств: Грузии и Армении – с Передней Азией, Босфора – с Грецией, Хорезма, Бактрии и Кушанов – с Ираном, Индией и Китаем, то теперь, не отрицая эти связи, можно говорить о том, что древние государства нашей страны "были связаны прежде всего друг с другом и родственными племенами севера" (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 164. Л. 4).

Тема древних этнических и культурных связей Средней Азии с Восточной Европой занимала Толстова уже в ранний период. 1935-м годом датируется набросок статьи "Поволжско-амударьинские этнографические параллели", в которой он указывает, что эти идеи возникли еще в 1920-е годы, когда, изучая терюхан, он заметил общность материальной культуры чувашей, марийцев, удмуртов и туркмен (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 7. Л. 4). Также в набросках осталась планировавшаяся им книга об отношениях Хорезма с европейским востоком, по-видимому, частично воплотившаяся в таких статьях, как «Новогодний праздник "каландас" у хорезмских христиан» и «"Нарцы" и "волхи" на Дунае» (Там же. Д. 49). Наиболее завершенная формулировка этих идей дана в "Древнем Хорезме":

"Так приобретает новые контуры древняя история нашей родины. Она выступает перед нами не как совокупность изолированных, спонтанных местных процессов, лишь случайными стихийными связями воздействовавших друг на друга, а как единый процесс, находящий свое выражение в образовании единой, могучей системы скифо-массагетских, позднее – эллинистических государств, управлявшихся ветвями единой династии сиявушидов..."

Боспор и Иберия, Армения и Парфия, Кангха-Хорезм и Индоскифская империя великих кушанов – вот тот консолидировавшийся к началу нашей эры политический каркас, вокруг которого шла группировка далеких и близких племен Великой Скифии, во многом подготовившая последующие процессы консолидации огромной территории нашей страны" (Толстов 1948: 342).

Вскоре Толстов представил еще более захватывающую картину исторического синтеза исследований "древней истории народов СССР":

«На очереди стоит задача пересмотра традиционных взглядов на ход всемирной истории в древний и средневековый периоды, на что дают бесспорное право открытия советских археологов.

Много десятилетий наука буржуазии была "политикой, опрокинутой в прошлое". И одним из звеньев этой политики была систематически внедряемая в умы масс расовая теория, не всегда, впрочем, выступающая в столь циничном виде, как у немецких фашистов, а чаще, напротив, маскирующаяся в одежду сугубого объективизма и "беспартийности". Это идея об исторической неполноценности народов Востока, идея о том, что ось исторического процесса на всем его протяжении проходит через тот небольшой полуостров евразийского континента, который

называется Западной Европой, и заканчивается в Северной Америке, рассматриваемой как прямое историко-этнографическое продолжение "избранной" части мира.

С предельной ясностью эта идея была сформулирована уже Гегелем, оставившим за пределами истории, объявившим неисторическими даже народы большей части Европы, в первую очередь – славян.

Все, что лежит за пределами западноевропейского исторического процесса, рассматривается как побочное, второстепенное, застойно-примитивное, что, в лучшем случае, может появляться на страницах общих исторических руководств в скупых строчках "необязательного" "мелкого шрифта"...

Работы советских археологов окончательно и бесповоротно опрокинули эти представления. Сейчас ясно, что история древних народов советского Востока – это история прогрессивного движения от первобытно-общинного строя к рабовладельческому античному и к феодальному и далее, в ряде случаев минуя капиталистическую стадию развития, – к социализму.

Эти работы показали, что древние культуры народов СССР, хотя и развивались, конечно, в тесной связи с культурой других народов и Запада, и Востока, вместе с тем не могут быть сведены к "влияниям" и "заимствованиям" и вовсе не являются бледным отражением культуры "избранных народов" – греков, римлян, персов. Они шли в своем развитии самостоятельным путем и сами оказали мощное влияние на культуру окружающих народов.

Сейчас уже собран и в значительной степени обобщен обширный материал для создания новой учебной дисциплины – древней истории народов СССР, которая должна занять в системе школьного и высшего образования никак не меньшее место, чем история античного Средиземноморья – Греции и Рима» (*Он же* 1949: 766–768).

Символично, что это свое самое, пожалуй, глобальное историческое обобщение Толстов сделал в сборнике, преподнесенном Академией наук И.В. Сталину "в ознаменование" его 70-летия. Стоит также обратить внимание на то, что достижения советской археологии представлял именно Толстов. Данный текст, как и публикуемая ниже статья "Исторические корни дружбы народов СССР", – замечательные памятники эпохи, аккумулировавшие разнообразные идейные влияния. Яростная критика фашистской идеологии и неприятие любых видов национализма были для Толстова более чем естественны. С первых дней войны он ушел добровольцем на фронт и был тяжело ранен в октябре 1941 г. В его архиве содержится написанная вскоре гневная антифашистская статья "Колесо истории не повернуть вспять", в которой Гитлер сравнивается с Ашшурбанипалом, а расистские теории и практики с реалиями древнего рабовладения (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 38). Впоследствии Толстов вспоминал, как, вернувшись в Хорезм с фронта, он взглянул на знакомые памятники другими глазами: они напомнили ему руины разрушенных фашистами советских городов (*Толстов* 1957: 59).

Неприятие европоцентризма и парадоксально сочетающийся с марксизмом поиск самостоятельно развивающейся общности "древних культур народов СССР" неожиданно наводит на некоторые, – впрочем, весьма поверхностные, – аналогии с идеями евразийцев. Толстов, конечно, не был евразийцем и не мог им сочувствовать, однако стоит отметить, что он не только знал об их существовании, но и выступил с критикой их идей в рецензии на первый том "Истории России" Г. Вернадского. Понятие "Евразия", писал Толстов, "или бесполезно, если это просто географический псевдоним для СССР, или вредно, если оно противопоставлено Европе, с одной стороны, и Азии – с другой..." (*Он же* 1946: 118–119). Концепция евразийцев не устраивала ученого прежде всего недооценкой значения славяно-среднеазиатских и славяно-кавказских связей. Евразийцы упирают на взаимоотношения кочевых и оседлых народов Евразии, делая степняков основной связующей силой евразийского единства, а между тем ни в истории народов Восточной Европы, ни в истории кочевников нельзя разобраться, не учитывая их мощных связей с древними культурами Юга.

Реплика Толстова о Евразии как "псевдониме СССР" возвращает нас к политическому контексту данных дискуссий. Статья "Из предыстории Руси" заканчивалась впе-

чатляющей кодой: общность исторических судеб и многообразные культурные связи народов нашей страны нашли свое окончательное завершение в создании Советского Союза (*Он же* 1947: 59). Для Климовича это был еще один повод воскликнуть: вот до каких "нелепых реакционных утверждений" дошел Толстов, представляя достижения Октябрьской революции "завершением замыслов Святослава"! (*Климович* 1948: 4). Однако для более полного понимания этих идей необходимо рассмотреть не только научный, но и идеолого-политический контекст их возникновения. Это поможет не только расширить наше представление о творчестве ученого, но и пролить свет на неизвестные страницы его биографии, на которых он вновь – как и на рубеже 1920–1930-х годов, – предстает в роли идеолога.

* * *

Со второй половины 1930-х годов творческие успехи Толстова шли рука об руку с его продвижением к вершине академической иерархии. Став в 1935 г. ученым секретарем московского отделения ГАИМК, он в 1939 г. возглавляет его. В том же 1939 г. он становится заведующим кафедрой этнографии (до 1952 г.), а в 1943 г. – деканом исторического факультета МГУ (до 1945 г.). В конце 1942 г. Толстов назначен директором Института этнографии, а в 1949 г. ученым секретарем Президиума АН СССР. К концу 1940-х годов, опубликовав две монографии, он находился на пике творческих достижений и административного могущества. Однако публикуемые ниже документы и предыстория их появления открывают нам неизвестную страницу биографии ученого, свидетельствующую о том, что его идейное влияние и положение в академической иерархии могли быть еще значительнее.

Летом 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам истории, в котором приняли участие более 50 ведущих специалистов по отечественной истории. Оно было инициировано поступавшими в ЦК от историка А.М. Панкратовой сигналами о неблагополучии на "историческом фронте", связанном главным образом с тем, что на языке тех лет еще продолжало именоваться "великодержавным шовинизмом". Впрочем, ситуация была сложнее: одни историки – Е.В. Тарле, Б.Д. Греков, А.И. Яковлев и др. – обвинялись в оправдании внешней и колониальной политики царской России, несогласии с формулами "Россия – жандарм Европы" и "тюрьма народов", в то время как авторы увидевших свет в 1943–1944 гг. некоторых "национальных" историй – "Истории Казахской ССР", "Очерков по истории Башкирии" и др. – представляли Россию злейшим врагом этих народов и рассматривали их включение в Российскую империю как абсолютное зло, освещая всю историю в националистических тонах (*Новые документы* 1991: 188–204). Все это, наряду с неизжитым влиянием школы Покровского, составляло целый клубок противоречий, разобраться в которых историки под руководством товарищей из ЦК пытались в ходе данного совещания.

В своем выступлении на нем Толстов констатировал, что разработка историй отдельных народов ведется "изолированно", вне связи с историями других народов, в результате чего они получают односторонне-тенденциозное освещение. Он критиковал две работы: "Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины" Б. Гафурова и Н. Прохорова (Сталинабад, 1944) и "История Казахстана" под редакцией М. Абдыкалькова и А. Панкратовой (Алма-Ата, 1943). В первой практически вся история Средней Азии объявлялась историей предков таджиков, а все тюркские народы рисовались "носителями разбоя, угнетения, порабощения и реакции". История Казахстана также была изложена "через казахстанские очки": все ведшиеся казахами войны описывались как справедливые, а присоединение к России объявлялось чисто негативным явлением, без учета того, что его альтернативой было расчленение Казахстана Китаем, Кокандом и Хивой. В заключение Толстов высказал мнение, что вопросы, "которые лежат на грани историй отдельных народов СССР", должны во избе-

жание повторения подобных ошибок решаться под руководством центральных научно-исследовательских учреждений, а не в самих республиках (Стенограмма совещания 1996: 84–90).

А.А. Ждановым и Г.Ф. Александровым готовилось несколько проектов постановления об исторической науке. Текст Александрова отражал позицию партийных идеологов, с которой они вышли на совещание, тогда как Жданов готовил непосредственно постановление. Проекты в целом похожи и с некоторыми вариациями отражают ошибки историков по трем указанным выше направлениям: влияние школы Покровского, очернявшей историческое прошлое России, великодержавный шовинизм и националистические ошибки в освещении истории республик СССР. Однако в части предлагаемых решений проекты различались степенью детализации. Если Александров ограничился пожеланием "основательно поправить положение дел" в Институте истории АН СССР и в "Историческом журнале", то Жданов выдвигал конкретные, в том числе кадровые, предложения. Среди них были решения назначить Толстова первым заместителем директора Института истории, ввести его в создававшийся президиум Ученого совета при данном институте, а также утвердить новую редколлегию "Исторического журнала" с Толстовым в качестве ответственного редактора (Новые документы 1991: 200; РГАСПИ. Оп. 3. Д. 26. Л. 34–36). Однако это постановление так и не было принято. Историки не пришли к окончательному объяснению причин этого факта, однако ясно, что 1944 г. был, мягко говоря, не самым удачным моментом для кампании против русского национализма, и идеологи из ЦК – очевидно, не без помощи Сталина – вовремя это поняли.

Так или иначе, Толстову не довелось сыграть предполагавшуюся для него в проекте Жданова роль ответственного в сущности за весь "исторический фронт" проводника идеологической линии партии. Проект Жданова объясняет, почему именно к Толстову обратилось Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с просьбой разработать программу исторического отдела главного партийного журнала "Большевик" (см.: Приложение; текст хранится в: Российский государственный архив социально-политической истории. Оп. 4. Д. 14. Л. 58–65). Возможно, в том же журнале предполагалось напечатать и датированную 1945-м годом статью "Исторические корни дружбы народов СССР" (см.: Приложение), во всяком случае, на одном из двух экземпляров этого машинописного текста, хранящегося в Архиве Российской академии наук (Ф. 1869. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–23), стоит пометка "перепечатать в 2-х экземплярах и отправить в ЦК, Управление пропаганды и агитации" (Там же. Л. 24). Эти тексты представляют собой своеобразную смесь официальной риторики, научного осмысления истории страны и аргументов, в эпоху "войн памяти" и передела культурного и исторического наследия, получающих новую актуализацию. Хочется надеяться, что их публикация послужит углублению нашего понимания как творчества С.П. Толстова, так и истории советской этнографической науки в целом³.

Примечания

¹ В данном деле имеется пометка: "не вышли в свет из-за ликвидации общества". Возможно, имеется в виду упоминаемое в тексте Ветлужское общество краеведения.

² Феноменов даже утверждал, что Толстов в противопоставлении этих типов высказывал то, что "недоговаривал" Зеленин.

³ Выражаю глубокую признательность сотрудникам Архива Российской академии наук Е.В. Косыревой, Э.М. Харольской и Т.А. Джалилову, создавшим для меня идеальные условия архивной работы.

Источники и литература

IV Всероссийская – IV Всероссийская конференция по краеведению 22–24 марта 1930 г. Б.м., 1930.

- АИИМК – Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2. Оп. 1 (1932 г.). Д. 201–202.
- Алымов 2006 – Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.
- АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7.
- АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 164; Ф. 1869. Оп. 1. Д. 3, 7, 9, 41, 44, 49, 128, 162, 164, 196.
- Арциховский и др. 1937 – Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 77–91.
- Бахрушин и др. 1945 – Бахрушин С., Завич И., Сидоров А., Толстов С. О перспективном плане в области исторической науки // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 99–103.
- Богданов 1923 – Вопросы краеведения / Под ред. В.В. Богданова. Н.-Новгород, 1923.
- Богданов, Толстов 1929 – Культура и быт населения ЦПО / Под ред. В.В. Богданова и С.П. Толстова. М., 1929.
- Богораз 1928 – Богораз-Тан В.Г. Христианство в свете этнографии. М.; Л., 1928.
- Зеленин 1929 – Зеленин Д.К. Принимали ли финны участие в образовании великорус народности? // Сб. Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов. Вып. 1. Л., 1929. С. 96–108.
- Зеленин 1933 – Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Изв. АН СССР. Отд. общественных наук. 1933. № 8. С. 591–629.
- Зеленин 1937 – Зеленин Д.К. Обычай "добровольной смерти" у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораз: Сб. ст. М.; Л., 1937. С. 47–78.
- Зеленин 1938 – Зеленин Д.К. Ответ моим "критикам" // Советская этнография: Сб. ст. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 234–235.
- Зеленин 1940 – Зеленин Д.К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов // Советская этнография: Сб. ст. Т. III. М.; Л., 1940. С. 23–34.
- Зеленин 1947 – Зеленин Д.К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 2: Советское финноугроведение. Л., 1948. С. 81–90.
- Золотарев 1937 – Золотарев А. Против вредительства и путаницы в вопросах первобытной истории // Под знаменем марксизма. 1937. № 11–12. С. 217–222.
- История СССР 1939 – История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. 1–2. М.; Л., 1939.
- К изучению 1937 – К изучению истории: Сб. М., 1937.
- Климович 1933 – Климович Л. Маркс и Энгельс об исламе и проблема его происхождения в советском исламоведении // Революционный Восток. 1933. № 3–4. С. 59–92.
- Климович 1948 – Климович Л. Плохая фантастика вместо науки // Литературная газета. 1948. № 20. 10 марта. С. 4.
- Козлов, Пучков 1995 – Благодарим судьбу за встречу с ним. О С.А. Токареве – ученом и человеке / Под ред. С.Я. Козлова. П.И. Пучкова. М., 1995.
- Корбе, Стратанович 1949 – Корбе О., Стратанович Г. Обсуждение доклада И.И. Потехина "Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии" // Сов. этнография (далее – СЭ). 1949. № 2. С. 170–176.
- Ксенофонтов 1929 – Ксенофонтов Г.В. Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск. 1929.
- Ларина 1999 – Ларина А.Н. Организационный опыт краеведения 1930-х гг. (по материалам журнала "Советское краеведение") // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. М., 1999. С. 249–258.
- Новые документы 1991 – Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 188–205.
- Основные проблемы 1934 – Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934.
- Попов 1948 – Попов А.И. К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании // Вест. Ленинградского ун-та. 1948. № 3. С. 153–156.
- Преображенский 1929 – Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929. Пф АРАН – Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 849. Оп. 2. Д. 70.
- Рапопорт, Семенов 2004 – Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 184–232.

- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26; Оп. 4. Д. 14.
- Решетов 2004 – Решетов А.М. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи... С. 127–183.
- Стенограмма совещания 1996 – Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопр. истории. 1996. № 5–6. С. 77–106.
- Стецкевич 1977 – Стецкевич Т.А. Проблемы происхождения и ранней истории ислама в советской историографии // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1977. С. 118–135.
- Существовал ли Мохаммед? 1931 – Существовал ли Мохаммед? Дискуссия в Коммунистической академии в антирелигиозной секции Института философии 12.11.1930 по докладу Л.И. Климовича // Воинствующий атеизм. 1931. № 2–3. С. 189–218.
- Толстов 1930 – Толстов С.П. Студенчество и краеведение. М., 1930.
- Толстов 1930а – Толстов С. К проблеме аккультурации // Этнография. 1930. № 1–2. С. 63–87.
- Толстов 1931 – Толстов С.П. Проблемы родового общества // СЭ. 1931. № 3–4. С. 69–103.
- Толстов 1932 – Толстов С. Введение в советское краеведение. М.; Л. 1932.
- Толстов 1932а – Толстов С. Очерки первоначального ислама // СЭ. 1932. № 2. С. 24–81.
- Толстов 1934 – Толстов С. Рец.: Маторин Н.М. Пятнадцать лет советской этнографии (СЭ. 1932. № 5–6) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 4. С. 114–117.
- Толстов 1935 – Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–10. С. 3–41.
- Толстов 1938 – Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вест. древней истории. 1938. № 1(2). С. 176–203.
- Толстов 1946 – Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопр. истории. 1946. № 4. С. 113–123.
- Толстов 1947 – Толстов С.П. Из предыстории Руси (Палеоэтнографические этюды) // Советская этнография: Сб. ст. Т. 6–7. М.; Л., 1947. С. 39–59.
- Толстов 1948 – Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов 1949 – Толстов С.П. Достижения советской археологии // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 753–771.
- Толстов 1951 – Толстов С.П. Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" // СЭ. 1951. № 3. С. 3–14.
- Толстов 1957 – Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937–1956) // СЭ. 1957. № 4. С. 31–59.
- Феноменов 1930 – Феноменов М. В порядке самокритики // Советское краеведение. 1930. № 11–12. С. 33–34.
- Формозов 2004 – Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004.
- Чебоксаров 1948 – Чебоксаров Н.Н. Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР (по поводу одной научной конференции) // СЭ. 1948. № 3. С. 176–184.
- Slezkine 1991 – Slezkine Yu. The Fall of Soviet Ethnography // Current Anthropology. 1991. Vol. 32. № 4. P. 476–484.

S.S. Alymov. On the Path to the "Ancient History of the Peoples of the USSR": Lesser-Known Pages of S.P. Tolstov's Scholarly Biography

The article focuses on episodes of S.P. Tolstov's intellectual biography that remain largely uncovered in historiography and attempts to place the development of his views and ideas in the context of currents in ethnography, archaeology, history, and ideology of the period. Drawing on lesser-known archival sources, the author sheds light on various aspects of S.P. Tolstov's scholarly career, from his formative years and the controversial role he played in promoting and later destroying so-called Regional Studies (*kraevedenie*) to the nuances of his long-lasting debates with his opponents, such as D.K. Zelenin and L.I. Klimovich, which highlight the ideological content of scholarship particular to the period. The author attempts to reconstruct the process of development of what S.P. Tolstov himself seemed to hold as one of his principal contributions to Soviet scholarship – namely, the development of a particular vision or paradigm of studying the "ancient history" of the peoples of the USSR. The article is followed by S.P. Tolstov's two texts attesting to his views of "Historical Roots of the Friendship among the Peoples of the USSR".